

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Александр ПРОХАНОВ

ЗА ОГРАДОЙ РУБЛЕВКИ

**Власть стремится замазать трещины.
Лепечет о стабильности, о социальном
мире, добиваясь его обманами, еще
большим дроблением и раскалыванием,
превращая народ в пыль.**

**Четвертая русская революция
вырвется, как шаровая молния,
помчится над Рублевкой,
сметая «мерседесы» и «вольво».**

Александр Проханов
За оградой Рублевки

«ЭКСМО»

2007

Проханов А. А.

За оградой Рублевки / А. А. Проханов — «Эксмо», 2007

Лидер и идеолог русского сопротивления, блестящий писатель и публицист, главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов в советское время был во всех горячих точках планеты, участвовал в боевых операциях афганских событий. 15 лет назад такой горячей точкой стала его любимая Родина. Все эти беспросветные для России годы он в сражение на невидимом фронте необъявленной, но жестокой войны. Многие его очерки-картины в новой книге ужасают реальностью окружающего бытия, и все же энергетика слова содействует не унынию и отчаянию, а крепости и стойкости духа.

© Проханов А. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ЧАША СИЯ	5
ГОРОД ЗОЛОТЫХ УНИТАЗОВ	6
МОСКОВСКИЙ ВАВИЛОН	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Проханов

За оградой Рублевки

ЧАША СИЯ

Когда-то, молодым писателем, я жадно осваивал открывшиеся мне картины мира. Писал о гигантских заводах, о новых городах в тайге и пустыне, о хлебных жатвах, об экспериментальных взрывах атомных бомб. Целый период моей жизни посвящен военным походам: Афган, Кампучия, Никарагуа, Мозамбик, Ангола, Ближний Восток. Это породило целый цикл романов и повестей.

После катастрофы 91-го года небо упало на меня. Мир сомкнулся до точки. Мне казалось, я умер духовно. Когда обморок стал проходить и я стал оглядываться, не было великой страны, великой «Красной империи». Но жизнь продолжалась. Я пытался узнать об этой жизни то, что не успел познать в прошлом. Я стал совершать «экспедиции» в тюрьму, в абортарий, в крематорий, на свалку и там, в этих «запретных зонах», искал ответы на вопросы, меня волнующие. Так родился цикл «Чаша сия». Приведенные тексты – это эскизы моих романов последнего десятилетия. Повторяю: это чаша сия.

ГОРОД ЗОЛОТЫХ УНИТАЗОВ

Есть на земле места великих аномалий. Там искривляются магнитные силовые линии, ломаются компасы и приборы навигации. Возникают турбулентные взрывы атмосферы, утягивая в пучину корабли и сбрасывая с небес самолеты. В таинственной воронке истории пропадают народы, исчезают могучие армии, рушатся непобедимые царства.

Есть на земле места, отмеченные великими злодеяниями, где искривляются силовые линии нравственности, ломаются координаты людских представлений о добре, не действуют божественные уложения и заповеди...

К таким местам относятся болота вблизи Меконга, где были забиты насмерть, мотыгой в череп, миллионы кампучийских мучеников. Или Освенцим, где по сей день вырастает крапива в два человеческих роста, удобренная пеплом сожженных евреев. Или каменные пустыри у палестинских лагерей Сабра и Шатила, где израильские командос учинили резню безоружных беженцев. Или город Грозный, разрушенный чудовищем, с погребенными под бетоном тысячами чеченцев и русских. Если смотреть на эти места из космоса, на фотоснимках они отмечены непрозрачной туманностью, таинственным излучением зла. Если приблизиться к ним по земле, внезапно испытаешь беспричинный ужас, как вблизи Чернобыля, где в светлом солнечном воздухе льется невидимая лучистая гибель. Если принести в эти места икону, она начинает плакать.

К таким средоточиям зла, к скоплениям величайших пороков и преступлений, из тех, за которые Данте помещал грешников в последний, самый страшный круг ада, – к таким сгусткам тьмы относятся поселения новых властителей России, укрывшиеся в реликтовых борах вдоль Успенского шоссе, в старинных дубравах, что у Барвихи и Жуковки, в чудесных лугах у Москва-реки, подле Усова и Николиной горы. За последние несколько лет там выросло целое царство, окруженное непроницаемой для взора завесой, с бесчисленной вооруженной охраной и военными постами, бетонными изгородями и колючей проволокой, электронной сигнализацией и телевизионными камерами слежения, с парящими в небе вертолетами. Лишь издали, сквозь цветочную пыльцу лугов, волнистую листву дубов сверкнет золоченная крыша дворца, блеснет беломраморная колонна. С шоссе на голубой асфальт скользнет стремительный кортеж лимузинов. Постовой подобострастно приложит к фуражке ладонь, отдавая честь священному облачку бензиновой гари.

Совершим путешествие в этот «рублевский рай», где проводят свой краткий земной век вельможные злодеи и святотатцы, перед тем, как опрокинуться в железный раскаленный центр земли, в девятый круг ада. Там, в преисподней, Вельзевул грызет кричащего от мучений, прошедшего курс китайской медицины, Ельцина.

Осеним себя крестным знаменем, оберегающим от адовых сил. Оборонимся Христовой молитвой. Облачимся в непроницаемую броню священных текстов, заслоняющих, как скафандр заслоняет спасателя от смертельных доз радиации. Исследуем эти селения, как ученый исследует насекомых-убийц, или особые виды ядовитых грибов, или психические патологии серийных убийц, или способы совокупления болотных жаб, или виды раковых заболеваний, или способы пыток.

Если вам удалось проникнуть сквозь кордоны вооруженных постов, убедить суровых стражей перед полосатым шлагбаумом в том, что вы – «свой», или гость «своего», или вызванная к «своему» прислуга, вы окажетесь среди великолепных особняков, роскошных дворцов, фантастических замков, словно перенесенных по воздуху из других эпох и культур.

Вы увидите небольшой Трианон, уменьшенная копия настоящего, нежно-изумрудный, с барочными вавилонями и фонтанами, – усада французских королей. Отделенная от него пышным парком, стоит усадьба в викторианском стиле, напоминающая чертог английского

герцога, окруженная ярко-зеленым войлочным газоном и цветастыми клумбами. За усадьбой белеет средиземноморская вилла, утопающая в розах, с чугунными решетками балконов и изгородей, – обиталище богачей Ниццы и испанского побережья. В золотом сосняке, под сенью туманной хвои – скандинавские, финские виллы, обложенные гранитными валунами, с застекленными верандами, с лазурным бассейном и затейливым изделием из раскрашенных тележных колес, украшающих зеленую лужайку. Чуть поодаль в дубравах, – германская готика, или каменные башни романского замка, или причудливые очертания мавританской базилики, или нечто, напоминающее буддийские пагоды, или тонкая стилизация под мечеть, или фантастические, не имеющие прообразов, сочетания сфер, кубов, параболлоидов, стеклянных конструкций, хрустальных шпилей, – плод футуристического воображения.

Трудно объяснить пристрастие хозяев к тому или иному стилю. Быть может, первый успех, превративший советского служащего в миллионера, был связан у него с Палм-Бич во Флориде, или поездкой на Канары, или с «дольче фар ниенте» в Италии. Или удачливый делец пригласил для проектирования загородного дворца архитектора из Германии, или Эмиратов, или Израиля, и тот, тонко льстя хозяину, навязал ему стиль своей страны, коим пользуются представители «золотого миллиарда», вкрапленные даже в самые бедные и гибнущие народы. Или самодовольный, «из грязи да в князи», хозяин нарисовал на бумаге свои фантазии, как рисуют их дети, иллюстрируя сказки Пушкина, и архитектор, ужасаясь в душе безвкусице самодура, воплотил в драгоценных материалах гибрид Эйфелевой башни и колокольни Ивана Великого, окруженный маленькими пирамидами Хеопса.

Строительные материалы доставляются кораблями и самолетами через моря и океаны, поражая великолепием и отделкой. Здесь увидишь колонны и капители из светящегося родосского мрамора. Фасады из розового, дышащего ракушечника и вулканического туфа. Валуны и глыбы, доставленные из фьордов Скандинавии.

Брус, украшающий веранды и галереи, выточен из черного африканского дерева. Колонки беседок – из карельской березы. Дно бассейнов выложено византийской мозаикой. Окна, переплеты, двери, сантехника, светильники, обои, мебель, доставленные из Италии и Германии, созданы именитыми дизайнерами. Стены украшают картины, купленные на аукционах Сотби, коллекции лучших авангардистов России, Европы, Америки. На одном из дворцов, принадлежащих тамбовскому бандиту, можно увидеть фамильный герб, похожий на татуировку, с птицей, пистолетом Макарова и надписью: «Век свободы не видать», украшенный самоцветами, с золотыми и платиновыми инкрустациями.

Каждая усадьба имеет свою репутацию, свою сокровенную тайну, свое чудо, которое разносит молва.

В одной усадьбе есть дельфинарий с дрессированными морскими животными, для которых каждое утро доставляется живая рыба, и опытный дрессировщик учит их хватать серебристую скумбрию из рук хозяина виллы, после чего, стоя на хвостовых ластах, дельфин сгибается перед повелителем в благодарном поклоне. В другой усадьбе существует домашний зоопарк с вольерами, где у зеленых стожков пасутся африканские антилопы, на деревьях дремлют черно-белые абиссинские бабуины, а в стальных ограждениях нежатся обкормленные леопарды и львы. Здесь существует дворец, подле которого в почти невидимой полупрозрачной клетке, высокой и просторной, летают живые бабочки Борнео и Бразилии, на тропических пахучих цветах висят коконы ночных бабочек Нигерии и Индии. Хозяин, желая сделать гостю подарок, входит в вольер с сачком и снимает с цветка золотистую живую нимфалиду. Тут есть ботанический сад, собравший коллекцию редких растений со всех континентов, включая крохотные полыни пустыни Гоби, орхидеи Перу, секвойи Австралии. Ландшафтные архитекторы создают вокруг дворцов английские парки, липовые аллеи русских дворянских поместий, японские садики с ручьями и прудиками, где белеют пахучие лилии. А в глубине усадьбы еврейского

банкира, знатока Ветхого Завета, раскинулись висячие сады Семирамиды, напоминающие усыпанный цветами Крымский мост.

Один владелец славится лошадьми, на которых гарцует по утрам на отрытом манеже, прежде чем пересест на бронированный «Мерседес». Другой купил голландских коров, которые пасутся на приусадебных лугах, создавая трогательную пастораль. Третий, по виду совсем не калмык, приобрел верблюда, что бродит среди античных колонн, оглашая окрестность печальным звоном бубенчика.

Каждый дом имеет охрану, поваров, садовников, прислугу, домашних музыкантов, шутов, парикмахеров, звездочетов и колдунов. Один владелец, строгий, как баптистский пастор, приобрел домашнюю челядь на невольничьем рынке, и теперь изумрудные лужайки подстригает негр в малиновой жилетке, блюда к столу подает негр в ослепительно-белых перчатках, за рулем длинного, как ящерица, «Кадиллака», развозящего по домам гостей, восседает негр в голубом цилиндре.

Есть тонкие признаки – стиль, конфигурация виллы, обширность участка, породы деревьев, обилие телевизионных тарелок, плотность охраны, – с помощью которых определяют имущественный ценз владельца, от десятков миллионов долларов в офшорных банках, до миллиардов в «Бэнк оф Нью-Йорк».

Кто они, заселяющие заповедное Подмосковье, выпадающие, как золотые самородки, из мутных водоворотов русской жизни, которую черпает зубчатая драга «либеральных реформ»?

Особняк, чем-то напоминающий университетские коттеджи Принстона, безукоризненно строгий, с хрустальной, светящейся днем и ночью оранжереей, в которой драгоценно зеленеет зимний сад, – дворец принадлежит известному магнату. Он начинал в советское время младшим научным сотрудником, изучал экономические структуры мира, а затем, после краха страны, пустился в спекуляции компьютерами, беспризорной недвижимостью. Как головастик в лягушку, он превратился в банкира, совладельца телеканалов, умного и осторожного дипломата, перепрыгивающего, как в виндсерфинге, с одной политической волны на другую. После нескольких неудачных на него покушений, сделавших его заикой, он стал вести замкнутый образ жизни, без друзей и приемов. Лишь глубокой ночью в его дворец проскользнет перламутровый лимузин, на котором верный охранник доставляет ему очередную красавицу, прошедшую медицинское освидетельствование.

Тут же – роскошная средиземноморская вилла, оплетенная розами, с пернатыми пальмами, со множеством затейливых пристроек, веранд и беседок. Из них в лазурь возносится дым жарящихся шашлыков, звучит гортанная кавказская речь, сопровождаемая звоном кинжалов. Тут обитает выходец из горного чеченского аула, маленький, свирепый и жизнерадостный. Он сделал свое состояние в качестве телохранителя банковского бухгалтера, разделил с ним успех операций с фальшивыми «авизо» и быстро пошел в гору. Прокрутил добытые деньги через солидный коммерческий банк с безупречной репутацией разбойничьего. Вложил в казино, в проституцию, в транспортировку русских девушек в Турцию и на Ближний Восток. В годы первой Чеченской войны был посредником между Дудаевым и Кремлем. Специалистам по электронной борьбе удавалось перехватывать его разговоры с Дудаевым, где раскрывался план подкупа кремлевских властителей, после чего победоносное наступление российских войск в Аргунском ущелье было остановлено, обезглавленные русские пленные были выброшены на кормление воронам, и русские проиграли войну. Теперь чеченец стал уважаемым бизнесменом, учит английский язык. Лишь иногда к нему съезжаются соплеменники, набивают двор иномарками, и тогда трудно дышать от вкусного шашлычного запаха, слышны воинственные крики, выстрелы в воздух. Сквозь чугунную ограду видно, как на поляне, при свете костра, гости водят священный хоровод.

Дом, построенный в традициях норманнской архитектуры, напоминает старые английские замки – валуны, грубая мощная кладка. Круглые башни, предполагающие винтовые лестницы. Основательные подклети, предполагающие винные погреба. Стрельчатые окна, предполагающие сводчатый зал, грубый дубовый стол, рыцарей, вкушающих жареные окорока, подымающих кубки с вином, кидающих кости урчащим собакам. Хозяин дома – последний советский министр, по виду милостивый и тихий, похожий на сельского пастушка. Видно, в нем дремало потаенное рыцарство. Он разбогател на афере «Урожай-90», когда исчезли из государственного оборота огромные деньги, а также на операции «Детское питание», накормившей множество «детей перестройки». О министре забыли среди новых великих воровских операций. Он тихо пропал в какой-то европейской стране. Выплыл недавно руководителем международного фонда, патронирует малый российский бизнес, напоминающий овечку, которую стригут большими железными ножницами. Живет скромно, своей семьей. Иногда приглашает к себе состарившихся сослуживцев, не успевших вскочить в экспресс «Москва – Вашингтон». Сидят себе у огромного средневекового камина, глядят на пылающие бревна, пересказывают старые, времен Горбачева, сплетни.

Иное дело – обиталище богатого азербайджанца, имеющего странное пристрастие к античности. Дом напоминает Парфенон, белый, с колоннадой и портиком. Жаровня, где жарятся присланные самолетом гянджийские бараны и в азиатских котлах кипят бараны семенники, – скопирована с Эрейхтеона. Служебные постройки для слуг воспроизводят храм Артемиды. В самшитовой роще белеет амфитеатр, где если и не разыгрываются трагедии Эсхила, то сладкозвучно поет выписанная из Баку восточная красавица. Сладострастно вытягивает и выпучивает смуглый живот, под цоканье и воздыхание зрителей. Хозяин дома общителен, хлебосолен, но любит побродить в одиночестве по аллеям, уставленным статуями античных богов и героев. Поразмышлять, подобно Аристотелю, о смысле бытия, а также о том, как ловчее переправить через границу очередную партию наркотиков к балтийскому порту, а оттуда в благословенную Европу.

Бывший тюменский бандит, в советском прошлом чемпион по биатлону, построил себе жилище по чертежам Белого Дома в Вашингтоне. Те же колонки, те же милые скромные окна, та же овальная комната, куда он приходит позабавиться с секретаршей по имени «Моника». Когда в России возник увлекательный вид спорта, основанный Гайдаром и Чубайсом, биатлонист и отличный стрелок подался в охрану к молодому нефтяному магнату. В Сургуте, Самотлоре, Нижневартовске, в других местах, воспетых композитором Пахмутовой, он стал чемпионом по отстрелу конкурентов своего хозяина. Весной, когда таяли снега, появлялись под неярким сибирским небом несговорчивые коммерсанты с аккуратным пулевым отверстием в черепе и с отрубленными пальцами ног. Чемпион ощутил красоту новой экономики, понял изящные законы нефтяного рынка, и, устав охранять, прострелил хозяину череп, стал владельцем его нефтяного хозяйства. Свои сибирские деньги он пустил в московский игорный бизнес. Пульсирующие павлиньи перья, призывающие богачей в игорные дома и ночные клубы, отмечают его полет над ночной Москвой. В недавнее время, под воздействием друга, ревнителя русской старины, кто выманил у него деньги на фильм о Сибири, православной России, смиренных царях, брадобреях и волонтерах гражданской войны в Америке, – под влиянием этого русского патриота спортсмен построил за Белым Домом деревянную часовню. Приглашает батюшек служить панихиды по невинно убиенным в тайге. И тогда всю ночь, как в Александровской слободе времен Ивана Грозного, звенят колокола, слышатся рыдающие моления об отпущении грехов, обещания застроить церквями все Рублевско-Успенское шоссе от «Горок-2» до пансионата «Сосны».

За бетонной изгородью с чуткими электронными системами, вооруженными охранниками, телекамерами слежения, сложился загадочный, небывалый в России уклад, заслоненный от остального народа не только пулеметными стволами, но и изошренной отвлекающей пропа-

гандой, разноцветной, как трупная пленка, играющая всеми цветами радуги. Как шапка-невидимка, заслоняет она этот преступный уклад от остального народа, стенающего, ненавидящего, ищущего причину своих несчастий. Не находит, хватает не горло своего мучителя, а разноцветную пустоту, льющуюся с телеэкранов. В этом укладе узнают «своих», как узнавали друг друга масоны, – по тайным знакам, по скрещенным пальцам, по вывернутым наружу носкам ботинок, по кодовому слову и взгляду. Соседи роскошных дворцов могут не общаться друг с другом. Но они помещены в общий для всех образ жизни, как драгоценные самоцветы в золотую оправу. Составляют тайное братство, закрытый орден, куда принимают по золотым и платиновым кредитным карточкам, по степени приближенности к кремлевскому тронному залу, по встроенности в небывалую тайную секту богачей, из которой сложился особый народ. Не еврейский, не чеченский, не русский. Племя, именуемое «золотым миллиардом». Меньшинство, захватившее несметные сокровища богатейшей страны мира. Здесь, в России, на этих богатствах они строят рабовладельческую цивилизацию XX! века.

Вы увидите палаццо, странным образом напоминающее Дом Советов на Краснопресненской набережной. В полном согласии с Фрейдом, который объясняет тяготение преступника к месту совершенного преступления, владелец палаццо, – член правительства времен Черномырдина, поддержавший расстрел парламента, ликовавший по поводу кровавых расправ над патриотами. Ныне, всегда загорелый, с сильными лошадиными зубами, посетитель яхт-клубов, гольф-центров, тайских бань и немецких кегельбанов.

Маленький, вечно взвинченный, похожий на возбужденного спаниеля, владелец медеплавильных заводов, прокатных станков, доменных печей, возведенных во времена пятилеток. Построил аналог усадьбы Кусково. Преодолевая комплекс еврейского плебея, облаканный августейшим Чудовищем, проникнув в «святая святых» нового уклада, – в раскаленные чресла неутомимой в любви Царевны, он отдыхает от сделок, от переговоров с «Маннесманом» и «Дженерал электрик», облачившись в камергерский камзол, слушая клавесин, глядя спектакли домашнего крепостного театра.

Бывший «теневик» скупил по бросовым ценам советские заводы-гиганты, выпускавшие атомные реакторы, турбины исполинских ТЭЦ, корпуса космических кораблей, оболочки подводных лодок. Выстроил обитель, похожую на огромный склеп. Даже в самый жаркий день от сооружения веет могильным хладом. С мертвенно бледным лицом, провалившимися щеками, с костными швами на лысом черепе, сам напоминает вставшего из могилы покойника. В подвале дворца разместил родовое кладбище, свез в него прах своей многочисленной родни, поставив над ней плиты из уральских камней с магическими шумерскими заклинаниями.

Тут же в тереме из золотых бревен, с пристройкой, напоминающей церковь в Коломенском, с кокошниками и вензелями, абсидами и шатрами, точеными витыми столбцами и узорными крыльцами поселился известный режиссер, преданный слуга всех режимов. Певец НКВД, хулигатель Сталина, монархист, друг раввинов, с наглыми хохочущими глазами веселого плута и обманщика. Похож на раскормленного хомяка, в чьих защечных мешочках, смоченные слюной, хорошо перетертые, хранятся евангельские заповеди вперемежку со статьями «Морального кодекса строителя коммунизма».

Все эти дворцы и виллы, усадьбы и замки вписаны не просто в чудесную подмосковную природу, но в сложную геометрию, где каждое сооружение находится на определенном, выверенном расстоянии от главного центра. От огромной, окруженной борами, озерами и речными поймами, дачи Ельцина. Замка Кошья Бессмертного. Так вокруг черного солнца вращаются сумрачные планеты. Подчиняются его гравитации, движутся по орбитам и радиусам, заданным астрономическими законами, по которым создана галактика смерти.

В этом райском уголке, на острове красоты и благополучия, все так прочно, надежно, устойчиво, потому что вовне тонут подводные лодки, рушатся с небес самолеты, падают мосты, взрываются газопроводы. Здесь так благоухают цветы, так серебрится в фонтанах вода, потому

что города превратились в трущобы, в скопища болезней и смрада. Здесь так вкусно едят, учат детей за границей, отсылают любимых рожениц в клиники Парижа и Лондона, потому что туберкулез и сифилис косят народ, русские женщины делают аборт ржавыми гвоздями, и комочками пыли летят по России беспризорные дети. Здесь для улады хозяев поет приезжий тенор Ла Скала, стены увешаны Матиссом и Михаилом Шемякиным, потому что страна погружается в беспросветную тьму, забывает родной язык, перестает читать и учиться. Здесь так чутко внимают миру, ездят на давосские форумы, посещают Карнеги-центр, принимают в гостях теоретиков глобализма, потому что Россия каждый год лишается миллиона своего населения, пустеют Сибирь и Приморье, и на картах Бжезинского вместо России начертано десять остроугольных осколков.

Отсюда, из-под колоннад и хрустальных куполов, излетает в Россию непрерывное, неизбывное зло, которое плодится без устали в этих дворцах и усадьбах, принимая в отдаленных городках и поселках образ умершего от СПИДа ребенка, безумной, исколотой наркотиком девушки, висящего в петле старика.

Именно здесь, в этих особняках и замках, вы поймете тайну разрушения СССР, когда закрытый клуб, состоящий из партийной элиты, «теневигов», внешних разведчиков, носящих в ладанке портретик Андропова и высохшую лапку летучей мыши, принял решение о передаче госсобственности горстке криминальных дельцов, «красных директоров» и либеральных политиков. Обрек на смерть великую «красную цивилизацию», выращивая в ее хладеющем трупке сгусток ненасытных червей, которые сегодня съедают остатки России.

Именно здесь вы почувствуете, как отняли у России ракеты, научные школы, орбитальные станции, порыв молодежи к знанию, лидирующее место в науке, культуре и спорте. Превратили ядерные технологии в импортную сантехнику, титановое производство в индустрию туалетной бумаги, боевые и медицинские лазеры в мастурбаторы для пресыщенных буржуазных гетер.

Именно здесь, среди скользящих «мерседесов», арабских иноходцев, валютных проституток и тайных посиделок кремлевских политтехнологов вы осознаете ужас великого, беспомощного народа, который всеми своими миллионами помещен в огромную газовую камеру, откуда остальному миру не слышны его предсмертные стоны.

За восточным достарханом, или изысканным европейским обедом, или на веселой еврейской пирушке, или на ночной, при свечах, игре в покер, или у крутящейся золоченой рулетки вы увидите, кто оказался владельцем богатств, созданных мучениками Гулага, землекопами Беломоро-Балтийского, инженерами «шарашек». Кто захватил бесценную собственность государства, созданную в надрывных хрипах предшествующих поколений, последнее из которых глухо умирает среди праздников и фестивалей, гремящих в честь новых хозяев.

Среди ампирных дворцов и вавилонских зиккуратов вы ощутите абсурд истории. Блюмкин расстреливал в гаражах белых офицеров и царских министров. Первая Конная неслась, как смерч, опрокидывая в море остатки Белой гвардии. Комсомольцы вручную строили города на Амуре. Пехотинцы тысячами гибли под Сталинградом и Курском, вламывались в столицы европейских держав, водружали простреленный флаг над рейхстагом. Гагарин летел в космос. Студенты ехали на целину Казахстана. И все для того, чтобы кавказский «теневигов», усыпав бриллиантами короткие волосатые пальцы, тыкал в сторону принадлежащего ему завода-гиганта. Чтобы еврейский банкир с тройным гражданством скупал по бросовым ценам нефтяные поля Сахалина и кимберлитовые трубки Архангельска. Чтобы худосочный поэт-педераст, картавя, с желтой пенкой у губ, декламировал похабный стих о России.

«Эльдорадо» на Рублевском шоссе – уродливый завиток истории, как кудряшка на голове Явлинского и Немцова. Но завиток распрямится самым печальным для кудрявых макушек образом.

В этом «заповеднике счастья», среди экзотических строений, тенистых аллей и аркад, есть небольшая площадь, где высится алтарь из бадахшанского лазурита. На нем, сияющий, овально-гладкий, человекоподобный, установлен золотой унитаз. Божество новой буржуазной элиты. Идол нового буржуазного времени. Ему поклоняются исповедники буржуазной религии. Приносят к его подножию цветы. Приводят молодоженов. Принимают присягу охраняемых подразделений. Появляются с новорожденными банкирами. В Дни Независимости из него излетают салюты. В дни принятия Конституции 93-го года, называемой невежественным народом «кровавой», сюда стекаются бывшие сутенеры, киллеры, члены Политбюро, маршалы авиации, лауреаты Ленинских премий, а ныне либеральные министры, магнаты, меценаты и кавалеры «Мальтийского ордена». Встают на колени и молятся, как во дни Вавилонского царства молились медному змию. Спрашивают, как у сфинкса, что сулит им близкое и отдаленное будущее. Идол невнятно бурчит, булькает, хлюпает, обещая им вечное «просперити». Прораб перестройки, хромой, с выпавшей от ненависти к коммунистам прямой кишкой, завещал похоронить себя внутри золотого унитаза. Сообщество миллионеров в знак высшей признательности к магистру удовлетворило его ходатайство.

Обокрав могилы предшественников, убив вскормившую их страну, украв у народа историю, они совершили самое страшное злодеяние, – «грех отцеубийства», именуемый на языке правосудия преступлением против человечности. Превратив в рабов свободолюбивый народ, сломав ось русской истории, решили обратить вспять вековое стремление русских к Справедливости, Красоте и Добру. Тем самым совершили космогонический грех, переведя назад часы мироздания.

Академик Вернадский, творец учения о ноосфере, утверждал, – развитие человечества неодолимо, ноосфера очистит людское сообщество от скверны. Ноосфера, воплощая стремление человечества к Богоподобию, победит.

Над Рублевским шоссе, где, укрытые от глаз, свили гнездо пришельцы «золотого миллиарда», пролетела птица с пурпурными крыльями и снесла яйцо. В этом яйце вызревает птенец революции. Четвертая Русская Революция вырвется, как шаровая молния, помчится над Рублевкой, сметая «мерседесы» и «вольво». И тогда встанет в лугах за Москвой-рекой огненный Ангел. Утопая по колено в цветах, направит на обитель нечестивцев испепеляющий взор. Под действием небесного лазера станут вспыхивать, как размалеванные картонки, обугливаться, как нарисованные на фанере потемкинские деревни, – античные храмы, буддийские пагоды, романские замки. И о былом величии и богатстве будут напоминать лишь одичалые, убежавшие из вольеров олени. Да влюбленную парочку вдруг испугает взлетевший на ветку павлин.

МОСКОВСКИЙ ВАВИЛОН

Липкий, расплавленный, как жидкое, поток лимузинов. Раскаленный желоб проспекта в туманной плазме. Жилые дома новой буржуазной постройки, похожие на готические соборы и романские замки. Голубые, словно гроздя кристаллов, здания банков. Церковь, цепляющая крестами вывеску ночного клуба, заслоненная цветастой рекламой бюстгальтеров, – разбухшие от довольства и сытости млечные груди красавицы. Дневная толпа, обморочно бегущая в синеватой бензиновой гари. Среди бульваров, автомобильных пробок, окруженный тяжелыми фурами, истошным воем «мигалок», – рынок, накрытый бетонным куполом. Кажется, под крышкой, в нагретой кастрюле кипит и взбухает варево, брызгает пеной, источает ароматы, выбрасывает струи кипятка, хлюпает, булькает, вырывается пузырями. Летучий пар колеблет высокое солнце, вонзившее в город раскаленный добела электрод.

Как Иван-дурак, жаждущий чуда, нырни в котел, под колпак, полагаясь на волшебную достоверность русских сказок с иллюстрациями художника Билибина. «Боже мой!» – только и охнешь радостно, очутившись среди разноцветья и гама. Словно поместили тебя на кончик кисти и вписали в золотой завиток хохломского цветка. Нарисовали тебя на перламутровом изразце. Посадили среди ухающих медных тарелок. Забросали кипами душистых трав. Показали навстречу огромные, с алыми надрезами арбузы. Наклонили перед тобой рог изобилия с виноградом, яблоками, сочными ягодами. Поставили тебя перед огромной языческой богиней, чьи сосцы в золотых каплях меда, в пухлых руках бьется серебряная рыбина, в волосах, подобно венцу, сияет золотой полумесяц дыни, колени, будто круглые белые сыры, шея, как нежный творог, а хохочущие белозубые уста надкусили смугло-розовый персик. Твоя душа радуется, веселится. Глаза ненасытно поедают зрелища рынка.

Вот мясные ряды, – розовое, белое, багрово-красное, парное. На чистых материях, кинутых на каменные прилавки, навалены горы мяса. Мясные города. Соборы из почек и ливера. Дворцы из телячьих мозгов. Башни из сочной вырезки. Ломти шашлыка отливают перламутровой пленкой. Фиолетово-синяя, глянцевиная печень похожа на жирный георгин. Бычьи сердца напоминают груды мокрых булыжников. Разрубленный окорок на сахарной косточке с малиновой сердцевинкой. Продавщицы, ядреные, грудастые, в фартуках, хватают комья мяса. Шмякают на весы. Поддевают на крюк. Тяжелый шматок свешивается к прилавку, напрягая пружину.

– Бери, не отказывайся!.. На холодечек!.. Пальчики оближешь!.. С лимончиком, с хреном, под водочку!.. Сами поросенка растили, молоком отпаивали!..

Блеск ножей, стук топоров, хруст рассекаемых хрящей. Пятак в розовой сукровице. Пальцы в клейком жиру. В подставленную кошелку валят мраморное слоистое сало. Бережно окунают сочный кус телятины. Бойко суют поросенка ногу копытом наружу, в котором еще сохранилась печеная черная кровь.

– Ахмет, барашка возьми!.. Ты человек кавказский, для вас овец держим.... Спасибо, заработать дадите... Чеченцы – народ хороший, если автомат не давать!..

Отрубленная свинья башка топорщит розовые уши. Наставила бронзовое строгое рыло. Смотрит надменно голубыми глазами в белых человеческих ресницах. Напоминает голову античного императора. Навалены желтые туши, меченные чернильным штемпелем, как почтовые марки. Висит на цепи телячий зад с ободраным остроконечным хвостом. Огромное, во весь прилавок, повалено тулово копченого быка, с распахнутым чревом, где в сумерках, как шпангоуты, светятся бело-розовые ребра.

– Говядинки возьмите, мужчина!.. Борщ сварите, три тарелки съедите!.. Такую говядину в Кремле подают, потому там все такие красивые!..

Бумажные деньги. Падающие на кафель монеты. Кожаные кошельки. Кровь, жилы. Бабий вскрик. Стук топора. Петр Первый на синей мокрой купюре. «Утро стрелецкой казни».

В глубине прилавков – огромные плахи, неохватные, из ливанского кедра, или дуба, что рос у Лукоморья, или реликтовой библейской секвойи. Смугло-коричневые, пропитанные кровью и соком тысяч тельцов и оленов, иссеченные по торцу топорами, громоздятся, словно жертвенные алтари. Сами жрецы, мясники, помахивают острыми топорами, расчленяют тушу, отделяют хрустящие мослы, рубят мелко розовые ребра, отшвыривают хлюпающие шматки. Широленные в плечах, с разбухшими мускулами, толстыми шеями, гладкие, покрытые ровным лоснящимся жиром, вызывают восхищение торговков, жадно взирающих на их белые куртки, голые волосатые груди, православные золотые кресты. Но их божество – не Христос, а языческий бык с золотым кольцом в ноздре, чей образ они странно воспроизводят в своих лбах, плоских носах, жарких, при ударе топора, выдохах.

Вечером вытирают насухо топоры. Свлакивают с себя пожелтевшие от крови куртки. Смывают с жилистых рук сало и жир. Облекаются в вольные дорогие костюмы. Уезжают с рынка на «мерседесах». Об одном из них рассказывают, что он любит посидеть в ночном клубе, в шелковом французском галстуке. Держит в могучей руке с золотым перстнем рюмку «каму». Рассказывает наивной подруге, какой он знаменитый поэт. Читать наизусть стихи Северянина.

Мясо, отборное, всех сортов, на любой вкус, для любого, самого экзотического блюда, доставляется на прилавки теплым, с московской бойни, с подмосковных мясокомбинатов, где в красном дыму качаются на блестящих цепях дергающиеся коровьи туши. В их рогатых, пронзенных током головах меркнет разум. Рабочий, поспевая за конвейером, делает полуживой корове длинный надрез на брюхе. Другой, сменяя первого, с треском сдирает теплую пятнистую шкуру.

Скот в России вырезан наполовину. В суп провинциала кусочек мяса попадает раз в три недели. Охота бедняков за обглоданными костями напоминает что-то собачье. Но Москва, несметно богатая, плотоядная, ненасытная, тонет в дыму шипящих жаровен. Забывается в праздниках и пирах. Капает себе на грудь коровьей кровью. Облизывает с толстых пальцев сладкий бараний жир.

В рыбных рядах обосновались молдаванки, немолодые, чернявые, в теле, золотозубые, с золотыми серьгами и кольцами, с пышными полуоткрытыми грудями, на которые увядание наложило первые морщинки и складки, с исчезнувшим бабьим озорством в зыркающих лиловых глазах. Молдаване, возмечтавшие о Великой Румынии, надменно выдающие себя за потомков римских легионеров, едут в Россию на заработки. Штукатурят московские квартиры, шабашничают в подмосковных поселках, роют колодцы в деревнях, холят клумбы и дендрарии на виллах богачей, стоят на рынках в рыбных рядах.

Прилавки – ряды холодильников с прозрачными стенками, за которыми, освещенные лампами, как в аквариумах, проглядывают рыбы. Зубастые белоглазые семги, словно длинные сияющие зеркала. Остроносые осетры, похожие на зубчатые пилы. Белуги, огромные, как торпеды. Горбуши, отливающие вороненой сталью, будто их отковали в оружейных мастерских. Разрезанная поперек рыбина, огромная, как откормленная свинья, с алым торцом, в котором белеет нежный позвонок. Прозрачные, дышащие розовых светом, лепестки краснорыбицы, в каждом из которых золотится капля янтарного жира. Громадные банки в налете инея, полные черной икры, похожей на блестящую охотничью дробь. В деревянных корытах, среди мелкого толченого льда, почти бесцветные усатые устрицы, как подвески в прозрачной хрустальной люстре. Черные ножи – длинные, остроголовые угри. Темно-зеленые морские раки, пупырчатые, с раскрытыми объятями крабы, россыпи раковин, груды мидий, скопления замороженных в лед моллюсков. Все сверкает, светится, переливается чешуей, пялит неживые остеклене-

лые глаза. Поднялось из морской пучины, всплыло на московском рынке, поражая обывателя невиданными плавниками, колючими усами, раздвоенными русалочьими хвостами.

– А эта откуда? – спрашиваешь торговку, указывая на огромную чешуйчатую зверюгу.

– Это семга, норвежская. Ее в стойле, как скотину выращивают.

– А это откуда? – обращаешься все к тому же знатоку в молдаванской юбке, чьи познания сравнимы с Ивом Кусто.

– Это форель, из Германии.

– А это? – Ты восхищен и подавлен эрудицией ихтиолога.

– Из Италии.

– А эти? – Ты чувствуешь на губах вкус пива, хруст нежной скорлупы, сладость ломтика нежного мяса.

– Королевские креветки, из Аргентины.

– А этот красавец? – указываешь на изумрудно-розового осьминога, дремлющего на куске льда.

– Из Японии.

– Хотя что-то есть из России? – спрашиваешь с уязвленным чувством патриотизма, отчаявшись увидеть родную речную рыбину

– А это я сама! – взыграла торговка, поведя обнаженными плечами, плеснув полными руками, колыхнув под прилавком пышными бедрами. Ты изумляешься ее женскому перевоплощению. Женщина-оборотень в прозрачной мраморной ванной, колышит хвостом, блещет чешуйчатыми бедрами, раздувает розовые сочные жабры, прижимает руки к белым грудям, прикрывая их пучком синей морской травы с крохотной, шевелящей усами креветкой.

Не много покупателей в этих диковинных рядах – больше ротозеев. Не по карману московскому служащему осьминог с Хоккайдо, или замоскворецкой старушке – копченый белужий балык, или учителю русской словесности – семужья туша. Пару лепестков розового нежного мяса. Горстку креветок для закадычного друга. Ложечку черной икры для больного родственника. Зато вдруг появляется настоящий покупатель, которого ждут, которого знают, для которого самолетами, рефрижераторами, огромными морозильниками доставляют со всех морей и океанов обитателей подводных пучин, выловленных сетями и тралами, среди бурь и штормов.

Появляется живописная пара. Впереди хозяйка, рыжая, с выпуклыми зелеными глазами, жадно и метко озирающими прилавок. Ее немолодое лицо, многократно подтянутое в салонах красоты, покрыто гримом, перламутровыми полутонами, малиновой французской помадой, выражает царское величие и превосходство над теми, кто заискивающе заманивает ее к своему торговому месту.

– Роза Самойловна, ко мне, ко мне пожалуйте!.. Для вас специально скандинавскую семгу держу!.. Сладкая, как мед! Вам понравится!..

Следом за наряженной, слишком полной, слишком носатой, слишком размалеванной хозяйкой, чье лицо рисовал художник, выдавливая из тюбика краски прямо на шершавый холст, – следом шагает охранник, здоровенный, натренированный в спортивных залах, быть может, бывший спецназ или чемпион по вольной борьбе. Вместо ручного пулемета держит в руках корзину, почтительно, на шаг, отставая от хозяйки.

– Вот эту давай! – тычет рыжая иудейская красавица в красного чешуйчатого зверя, чья огромная голова с зубатым клювом лежит отдельно на льду – И эту давай! – показывает пухлым пальцем в бриллиантовых кольцах на осетра, огромного, как кит, в котором пророк Иона переплыл океан, – Да не взвешивай, милая! Клади целиком! Наум Семенович просил на два стола закупить. Он префекта у себя принимает!..

Торговка, ахая, лстя, восхищаясь туалетами и драгоценностями, кладет в подставленную корзину рыбин. Сыплет шуршащие ворохи устриц. Черпает совком вместе с хрусталиками

льда влажных мидий. Запахло морем, причалами, черными ладьями, смоляными снастями. Охранник с тяжелой челюстью, узким лбом, подозрительно и враждебно смотрит на морскую снедь, словно она заминирована и таит угрозу его госпоже. Обо уходят с рынка. Она – впереди, сама, как экзотическое, всплывшее из моря существо, украшенное перламутровыми рогатыми раковинами. Он – сзади, враскоряку, не сдвигая толстенные ляжки, неся на согнутой атлетической руке корзину с осетровой мордой.

– Сама, как рыба-пила. Пилит своего Наума, как лобзиком! – смеется вслед торговка, пряча в кожаный, пропахший рыбой кошелек обильные наторгованные купюры.

Вечером, уставшие, источая запах рыбьего жира, молдаванки вернутся в свои перенаселенные каморки. Пересчитают выручку, оставшуюся от многочисленных оброков и поборов. Спрячут ее в платок на своем животе, чтобы не утащили ночью товарки. Забудутся коротким сном, вспоминая молдавские сады, голубую звезду над яблонями, безработных мужей, что отослали их в Москву на трудные заработки.

А вот ряды, умиляющие своей деревенской, «колхозной», бесхитростной снедью, что родится на подмосковных огородах, в лесных и садовых ягодниках, на грибных полянах. Чистые синеглазые старушки в платочках, словно явились в церковь, разложили пучки петрушки, букетики пряного укропа, вымытые оранжевые морковины. Сухолицые, до срока увядшие женщины, своей строгой печалью похожие на послевоенных вдов, молча, одними глазами, приглашают купить зеленые пупырчатые огурцы, белые плотные вилки капусты, золотые луковицы, ядреные головки чеснока. Толстогубые, чуть бестолковые мужики, уселись на мешки картофеля, выставив напоказ непомерно крупные, бугристые клубни, которыми впору мостить дорогу. Дедка в картузе, корявый, как лесной сучок, насыпал на вафельное полотенце веселые лисички с приставшими еловыми иглами, смуглоголовые боровики, тугие, в красных шляпках подосиновики, от которых пахнет бором, прелой листвой, детством. Молодая, белокурая, с нежным румянцем красавица поставила лукошко с матово-синей черникой, и другое, с малиной, которая от жары стала течь, выпустила на прилавок алый язык. Тут же пасечники, одинаковые, чистоплотные, с промытыми осторожными пальцами, в чистых рубахах, которые благоухают нектаром, сладким воском. Поставили перед собой золотые прозрачные жбаны с цветочным, луговым, липовым медами, миски с нарезанными сотами, в которых застыла коричневая тягучая сладость. Один режет ножичком вошину, подносит ко рту покупателя рифленый ломоть, и тот пьянеет от запаха, пьет, жует, зажмуривает от наслаждения глаза, и оса, Бог весть откуда взявшаяся, норовит усесться на медовые губы своим черно-желтым, узким в талии тельцем.

– Не ходите в ГУМ, не подымайте шум!.. – зазывает к пучкам запоздалой, бело-фиолетовой редиски разбитной мужичок, кажется слегка под хмельком. – Редиска французская, из Парижу, ничего не вижу!.. Жак пропил пиджак!.. Потому что не закусывал... Редиска – самая закусь!

– Я-то думала, на огурец будет спрос, три гряды посадила, а им все рынки завалены, – жалуется соседке долгоносая, похожая на цаплю, торговка, – А укроп берут хорошо, на засолку. Денег скоплю, внуку велосипедик куплю. Родителям не под силу. Бабушка, помогай!

– Ба, смотри-ка, Петруша идет! Три дня пропал. Кисленького ему, а не то помрет! – Круглая, как колобок, бабенка открывает эмалированное ведро, откуда прямо пахнула квашеная, крупно резанная капуста, залитая до краев зеленовато-прозрачным рассолом.

Петруша, испитой, небритый мужик с трясущимися руками, достает из кармана мятые деньги, из другого железную кружку. Бабенка черпает ему капустного рассола. Петруша молча, Божья душа, закрыв костяные веки, двигает кадыком, вливает в свой желудок, опаленный многодневным загулом, спасительную влагу. Просит еще и еще. Женщина прячет деньги, отпускает рассолу, сердобольно вздыхает:

– Петруша, отстань пить, а не то помрешь!..

Хорошо идти вдоль рядов, под оклики волоколамских, нарфофоминских, звенигородских женщин, глядеть на их родные любимые лица, и среди них одна, сухая, статная, в синем платье, в красной кофте, с длинным смуглым от загара лицом, похожа на Параскеву Пятницу, покровительницу торгов.

Но цвет рынка, его парад, его вершина, его великолепный натюрморт, – это фруктовые ряды, при взгляде на которые ахаешь в восхищении, стараясь подобрать сравнение, и ничего не находишь, кроме образа райского сада. Есть, есть Эдем, охраняемый ангелами небесными. Есть Древо Познания Добра и Зла, на котором созрели эти огромные, как светильники, золотые яблоки. Есть упругие ветви, что удерживают на себе литую тяжесть медовых груш, напоминающих светящиеся лампы, от которых и ночью исходит золотое сияние. А эти персики, смуглые с одного бархатистого бока и розово-желтые с другого, – от одного взгляда начинают сочиться сладчайшими каплями. А эти помидоры, если их поместить на башню маяка, станут светить вдаль заплутавшим в морях кораблям. А этот виноград, чернофиолетовый, золотисто-зеленый, смугло-синий, – его на серебряном блюде вносила в шатер царя Соломона искусная в любовных утехах Царица Савская. Боже мой, на каких горячих бахчах, под какими лазурными минаретами созрели эти луновидные дыни, которые отсылал в свой гарем эмир Бухарский, покуда не погнал его с трона неугомонный генерал Скобелев. А эти арбузы, алые внутри, как огнедышащий зев негритянского саксофониста, – их, должно быть, везли верблюды из далекого ханства, и легкие наездники с пиками наперевес атаковали медлительный караван, протыкая острием полосато-зеленый шар, вышибая наружу сочную, как кровь, мякоть. И над всем этим несметным богатством, охраняя его, подобно музейным коллекционерам, создавая из плодов невероятные изваяния, подобно скульпторам-модернистам, взирая на них, как астрономы взирают на небесные светила, священнодействуют продавцы-азербайджанцы. С маленькими усиками, синей выскобленной щетиной, с персидскими влажными глазами, хранители волшебных садов, тихо читают сладкозвучные стихи Фирдоуси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.